

shamanism: uses and abuses: Bibliotheca Shamanistica. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001. – P. 51–95.

Bandini-König D. Die Felsbildstationen Thalpan. – Mainz: Philipp von Zabern, 2003. – 209 S. – (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans; Bd. 6).

Bierman P.R., Gillespie A.R. Evidense suggesting that methods of rock-varnish cation-ratio dating are neither comparable nor consistently reliable // *Quaternary Research*. – 1994. – N 41. – P. 82–90.

Chang K.-Ch. Shang Civilization. – New Haven; L.: Yale University Press, 1980. – 418 p.

Chang K.-Ch. Art, myth, and ritual: The path to political authority in ancient China. – Cambridge: Harvard University Press, 1983. – 142 p.

Chang K.-Ch. Ancient China and its anthropological significance // *Archaeological thought in America*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 155–166.

Clottes J., Courtin J. Grotte Cosquer bei Marseille: Eine im Meer versunkene Bilderhöhle. – Sigmaringen: Jan Thorbecke, 1995. – 197 S.

Clottes J., Lewis-Williams D. Schamanen: Trance und Magie in der Höhlenkunst der Steinzeit. – Sigmaringen: Jan Thorbecke, 1997. – 119 S.

Díaz-Andreu M. An All-Embracing universal hunter-gatherer Religion? Discussing shamanism and Spanish Levantine rock-art // *The concept of shamanism: uses and abuses: Bibliotheca Shamanistica*. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001. – P. 117–135.

Dorn R.I., Whitley D.S. Cation-ratio dating of petroglyphs from the Western Great Basin, North America // *Nature*. – 1983. – N 302. – P. 816–818.

Eliade M. *Schamanism*. – Prinseton: Prinseton University Press, 1974. – 610 p.

Eliade M. *Schamanism und archaische Ekstasetechnik*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980. – 472 S.

Eliade M. *Schamanen, Götter und Mysterien*. – Freiburg: Herder, 1992. – 286 S.

Francfort H.-P. Central Asian petroglyphs: between Indo-Iranian and shamanistic interpretations // *The Archaeology of Rock Art*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 302–318.

Francfort H.-P. Prehistoric Section: An Introduction // *The concept of shamanism: uses and abuses: Bibliotheca Shamanistica*. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001a. – P. 31–51.

Francfort H.-P. Art, Archaeology and the Prehistories of shamanism in Inner Asia // *The concept of shamanism: uses and abuses: Bibliotheca Shamanistica*. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001a. – P. 243–277.

Fu Ch.Zh. China: Prähistorische Felsbilder. – Zürich: Bär, 1989. – 216 S.

Hamayon R.N. *Shamanism: Symbolic System, Human Capability and Western Ideology* // *The concept of shamanism: uses and abuses: Bibliotheca Shamanistica*. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001. – P. 1–31.

Hoppál M. *Das Buch der Schamanen: Europa und Asien*. – Ullstein: Ullstein Verlag, 2002. – 220 S.

Jacobson E. *The Deer Goddess of Ancient Siberia: A study in the ecology of belief*. – Leiden; N.Y.; Köln: Brill, 1993. – 295 p.

Jacobson E. *Shamans, Shamanism and Anthropomorphizing Imagery in Prehistoric Rock Art of the Mongolian Altay* // *The concept of shamanism: uses and abuses: Bibliotheca Shamanistica*. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001. – P. 277–297.

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseevendorj D. *Mongolie du Nord-Ouest Tsagaan Salaa/Baga Oigor*: 2 vols. – P.: De Boccard, 2001. – 481 p., 15 map., 399 pl. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; Fasc. 6).

Kehoe A.B. Emerging trends versus the popular paradigm in rock-art research // *Antiquity*. – 2002. – Vol. 76, N 292. – P. 384–385.

Kubarev V.D. Traces of shamanic motives in the petroglyphs and burial paintings of the Gorno-Altai // *Spirits and Stones: Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia*. – Poznań: Instytut Wschodni UAM. – 2002. – P. 99–119.

Leroi-Gourhan A. *Préhistoire de l'Art occidental*. – P.: Mazenod, 1965. – 482 p.

Lewis-Williams J.D. *Brainstorming Images: Neuropsychology and Rock Art Research* // *Handbook of rock art research*. – Walnut Creek; Lanham; N.Y.; Oxford, 2001. – P. 332–357.

Lewis-Williams J.D. Putting the record straight: Rock art and shamanism // *Antiquity*. – 2003. – Vol. 77, N 295. – P. 165–170.

Lorblanchet M. *Höhlenmalerei: Ein Handbuch*. – Sigmaringen: Jan Thorbecke, 1997. – 340 S.

Martynov A.J., Mariachev A.N., Abetkov A.K. *Gravures rupestres de Saimaly-Tach*. – Алма-Ата: Алма-атинский гос. ун-т, 1992. – 125 p.

Renfrew A. The archaeology of religion // *The ancient mind: Elements of cognitive archaeology (New direction in archaeology)*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 47–54.

Rozvadovskij A. Sztuka naskalna i Indoirančycy: interpretacja etniczna pwtrogliów doliny Sarnišsaj // *Rock Art of Uzbekistanu*. – Poznań: Instytut Historii Uniwersytetu im Adama Mickiewicza, 1997. – P. 161–237.

Rozvadovskij A. Sztuka naskalna, szamanizm i azia środkowa: problemy relacji // *Sztuka naskalna, Szamanizm i Azja Środkowa*. – Poznań: Wydawnictwo Akademickie DIALOG, 1999. – P. 9–39.

Ross M. Emerging trends in rock-art research: hunter-gatherer culture, land and landscape // *Antiquity*. – 2001. – Vol. 75, N 289. – P. 543–548.

Wagner G.A. Möglichkeiten der numerischen Datierung von Gesteinsoberflächen // *Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans*. – Mainz: Philipp von Zabern, 2001. – Bd. 4. – S. 128–134.

Waley A. *The nine songs: A study of shamanism in ancient China*. – L.: Boosey&Hawes, 1955. – 250 p.

Whitley D.S., Keyser J.D. Faith in the past: debating an archaeology of religion // *Antiquity*. – 2003. – Vol. 77, N 296. – P. 385–394.

Материал поступил в редколлегию 5.05.05 г.

ФИГУРА ДУХА-ПОКРОВИТЕЛЯ КАЗЫМСКИХ ХАНТОВ

Введение

Казымские ханты являются одной из локальных групп северных хантов; они проживают в бассейне р. Казым (правый приток р. Обь) в Белоярском р-не Ханты-Мансийского АО. В 1962 г. в Ханты-Мансийский окружной краеведческий музей поступило изображение женского духа-покровителя казымских хантов – Вут ими, ранее хранившееся в священном амбарчике на р. Кельс-Юган недалеко от пос. Юильск. Изображение состоит из древесного каркаса, матерчатых платков и металлических украшений-прикладов, в числе которых – серебряные и медные пластины-очелья, а также литые бронзовые зооморфные подвески и пастовые бусы. Краткое описание фигуры и обстоятельств ее поступления в музей было выполнено З.П. Соколовой [1971, с. 216–219] (рис. 1). Достаточно подробно конструкция фигуры и находящиеся на ней пластины описаны в недавно вышедшем каталоге музея [Мифологическое время, 2003, с. 100–103, 198–199]. Основными задачами данной статьи являются атрибуция металлических пластин Вут ими, а также определение возраста фигуры.

Описание фигуры духа-покровителя

Длина фигуры ок. 100 см, длина деревянного остова ок. 60 см. Каркас фигуры состоит из двух частей. Основная часть представлена оструганной палкой толщиной 2–2,5 см, вдоль которой по всей длине вырезана витая ложбинка. Длина палки 43 см; ее верхний конец расщепляется на 14 узких пластин, которые загнуты вниз и привязаны к палке. Загнутые пластины в трех

местах скреплены привязанными к ним поперечными прутьями. Поверх этой конструкции надет еще один каркас, состоящий из восьми продольных, заостренных на концах пластин и шести поперечных прутьев, каждый из которых обвязан черемуховой саргой.

В целом конструкция отдаленно напоминает гимгу (рис. 2). Среди опубликованных изображений духов-покровителей XIX–XX вв. фигуры со столь сложной объемной основой из прутьев неизвестны; отдаленным аналогом можно считать плоские каркасы из прутьев антропоморфных идолов VIII–IX вв., обнаруженных в окрестностях Сургута [Карачаров, 2002, с. 27, 33].

Внешний каркас рассматриваемой фигуры обмотан двумя платками второй половины XIX в. Размеры внешнего платка 55×60 см. Он сшит из двух шелковых платков; к краям по периметру пришита широкая полоса ткани красного цвета (окраска произведена, возможно, создателями фигурки), а к ней – бахромы (символизирующая волосы богини) из длинных красных шерстяных нитей. На углах платка к нитям привязаны медные бубенчики, посередине с двух сторон – по две низки мелкого голубого, зеленого и белого бисера, серебряный перстень.

Внутренний платок размерами 66×74 см выполнен из ткани серо-коричневого цвета. К его краям по периметру пришиты широкие полоски ткани синего цвета, к ним – бахромы из длинных шерстяных коричневых нитей. Платок подвязан к палке-основе фигуры двумя широкими тесемками с пришитой к ним бахромой из синих ниток.

К “рукоятке” каркаса, с помощью которой держали фигуру во время ее выноса из амбарчика, привязаны шесть шкурок пушных зверьков, а также следующие предметы:

Рис. 1. Фигура духа-покровителя казымских хантов.

Рис. 2. Каркас фигуры из прутьев.

а) средневековая бронзовая бочонковидная пронизка (длина 2 см, максимальный диаметр 2 см);

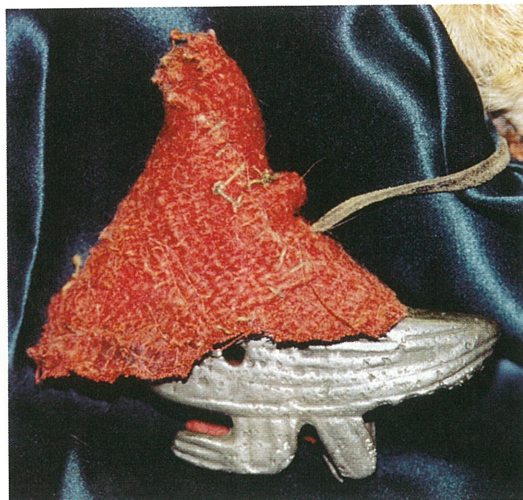
б) бронзовая фигурка птицы размерами 7×6,5 см. Фигурка отлита в двусторонней объемной форме, фиксируются следы недолива металла в виде отверстий, нечетко отлит декор. Голова изображена в виде длинного изогнутого стержня, в спине имеется отверстие, сквозь которое продет кожаный ремешок. Фигура стоящей птицы передана в профиль, на туловище с каждой стороны изображено по два крыла, плечевая часть крыльев оформлена концентрическими окружностями, нижняя часть орнаментирована “перловым” орнаментом. Крупные лапы выполнены в виде стилизованных птичьих голов, сзади лап изображено свисающее вниз перо (?). На фигурку птицы надет миниатюрный шлем из красного шерстяного сукна (рис. 3). Данное изображение, возможно, выполняло функции помощника Вут ими в образе гуся-богатыря;

в) десять бусин из стекловидной пасты (или стекла) синего цвета с бело-голубыми круглыми вставками (диаметр 0,6; 0,8; 1,8 см) и одна – из черной пасты с белым зигзаговым орнаментом;

г) медный, окрашенный под золото шар диаметром 2,5 см; он удерживается на шерстяной нитке, которая фиксируется фрагментом свинцовой фигурки.

С лицевой стороны фигура Вут ими украшена металлическими пластинами, размещенными одна над другой. Пластины удерживаются с помощью шнурков, которые обвязаны вокруг тулова.

Пластина 1 (нумерация соответствует расположению пластин на тулове сверху вниз). Изготовлена в Тобольске или одном из ремесленных центров на севере Западной Сибири в 1830-е гг. из луженой меди в техниках чеканки, гравировки (рис. 4). Размеры 22,5×5,8 см. В торцах пластины просверлены отверстия, сквозь которые продет красный шерстяной шнур. Бордюр украшен орнаментом в виде зигзага. Нижний край пласт-

а

б

Рис. 3. Бронзовая фигурка птицы.
а – в шлеме; б – без шлема.

тины оформлен девятью полукруглыми фестонами с отверстиями в нижней части. Сохранились три фигурки рыбок, прикрепленные к трем фестонам, остальные шесть фигурок утеряны. На лицевой стороне запечатлены персонажи сцены охоты: мужчина в шубе с луком в руках и стрелой, направленной на оленя, летящая птица, собака, а также два дерева, кусты.

Пластина 2. Изготовлена в Тобольске в первой четверти XIX в. из серебра в техниках чеканки, гравировки (рис. 5). Размеры 24×6,2 см. В торцах пластины просверлены отверстия, в которые продеты красные шерстяные шнуры. Бордюр украшен орнаментом в виде зигзага. Нижний край оформлен 12 полукруглыми фестонами с отверстиями в нижней части. На лицевой стороне запечатлена сцена охоты: в середине – дерево, по обеим сторонам спиной к дереву стоят два охотника в малицах и с луками в руках; в правой части пластины – фигура оленя и дерево, в левой – сидящий на дереве пушной зверек, перед ним – собака. На лицевой стороне пластины имеется сбитое клеймо мастера – П.Б.

Пластина 3 в виде прямоугольной ленты со скругленными концами (рис. 6). Размеры 40,5×3,6 см. По середине длинной оси ленты укреплено 11 половинок металлических бусин (сохранились семь). В торцах пробиты отверстия, сквозь которые продета красная шерстяная нить.

Лента вырезана из тонкой кованой серебряной пластины, узор нанесен тиснением по матрице в технике басмы. Возможно, первоначально пластина была длиннее, но концы ее обломились или треснули, и их аккуратно обрезали. Вполне вероятно, что мастер изготавливал более крупные и длинные заготовки, которые потом разрезались на отдельные пластины.

Половинки бусин (точнее, тисненные серебряные полусферы) укреплены на ленте с помощью проволоки, согнутой пополам и продетой в отверстия сверху полусферы и на ленте. На оборотной стороне ленты концы проволоки были отогнуты. В верхней части бусин имеется петелька, в которую продевалась цепочка из четырех звеньев, а к ней подвешивались привески, тисненные по матрице из тонкого серебряного листа (сохранились две привески в виде рыбок). Привески-рыбки вырезались из листа уже после нанесения декора, отчего края выглядят слегка загнутыми вовнутрь.

Лента украшена растительным орнаментом в виде лозы с отходящими от нее листьями и побегами. В крупные круглые изгибы лозы вписаны веерообразные листья с розеткой в центре. Между крупными завитками показаны отходящие от основного стебля по четыре побега с небольшим листом между ними. Благодаря этому создается определенный ритм и орнамент выглядит завершенным. Вверху и внизу растительный побег обрамлен выпуклыми линиями, между ними и краями пластины – орнамент в виде косой насечки.

Полусферы штампованные, с рифленной поверхностью в виде восьмилепестковой розетки.

Сохранились семь цепочек, из них две полностью. По-видимому, все они изначально были четырехзвенными, каждое звено представляет собой восьмерку, согнутую пополам.

Фигурки рыбок изображены в проекции со спины так, что видны оба глаза. Чешуя передана зигзаговыми линиями, хвост орнаментирован вертикально-наклонными отрезками.

Пластина 4 в виде ленты с расширенной средней частью, прямо обрезанными краями в торцах (рис. 7).

Размеры 33×5,2 см (в средней части) × 3,7 см (по бокам). Посередине длинной оси ленты пробито пять отверстий, к ним прикреплено пять серебряных полусфер. В верхней части последних за петлю подвешены короткие цепочки из трех звеньев с привесками. В торцах ленты пробиты отверстия, в которые продета красная шерстяная нить.

Лента вырезана из тонкого серебряного ковального листа. Орнамент нанесен тиснением по матрице в технике басмы. Матрица была, по-видимому, той же формы, что и оттиснутая по ней лента.

Способ крепления тисненых по матрице серебряных полусфер на ленте такой же, как и на предыдущей пластине. Полусферы гладкие, без орнамента; привески вырезаны из серебряной пластины, плоские, в форме сердечка.

Лента украшена сложным растительным орнаментом в виде изгибающегося стебля с отходящими от него побегами с листьями. В центре композиции – крупная розетка ромбической формы.

Пластина 5 в виде прямоугольной ленты, один конец которой сужен, другой небрежно обрезан (рис. 8). Размеры 31×3,4 см.

Посередине длинной оси ленты пробиты десять отверстий, к девяти из них прикреплены серебряные полусферы с привесками (сохранились четыре привески). Последнее отверстие на обрезанном (или обломанном) конце использовано для продевания красной шерстяной нити; на противоположном конце для продевания нити пробито специальное отверстие.

Лента вырезана из тонкого ковального серебряного листа. Узор нанесен тиснением по матрице в технике басмы. Как и пластина 3, данная лента меньше и уже, чем пластина с тисненым узором, – по краям видно, что ленту вырезали прямо по орнаменту. По-видимому, из той же пластины была вырезана лента для пластины 10.

Полусферы рифленые, прикреплены к ленте таким же способом, как и на двух предыдущих пластинках. Цепочки двухзвенные; звенья из тонкой проволоки в виде восьмерки, согнутой пополам. К ним подвешены височное кольцо из трех бусин (сохранились две бусины), фигурка рыбки и фрагмент бес-

Рис. 4. Пластина 1.

Рис. 5. Пластина 2.

Рис. 6. Пластина 3.

форменной орнаментированной пластинки. Полусферы закреплены без связи с отдельными элементами орнамента на ленте.

Лента украшена растительным орнаментом в виде лозы с отходящими от нее листьями и побегами. Лоза образует крупные круглые завитки, в которые вписаны веерообразные листья с розеткой в центре. Между крупными завитками от основного стебля отходят побеги с небольшим листом. Нижний край ленты оформлен “перловым” орнаментом, окантованным двумя выпуклыми линиями; на верхнем крае орнамент плохо различим.

Привеска в виде кольца из трех бусин выполнена на основе круглого дрота, на который нанизаны украшенные зернью и сканью бусины. Сохранились центральная бусина, украшенная поясками скани и пирамидками из зерни, и одна из боковых, узор которой состоит из поясков зерни и скани. Привеска в форме рыбки, подвешенной за голову, вырезана из фрагмента пластины с таким же узором, как и на ленте. Привеска также вырезана из орнаментированной пластины.

Рис. 7. Пластина 4.

Рис. 8. Пластина 5.

Подпрямоугольный кусок золотого позумента. Размеры 29,5×14,5 см. Состоит из четырех узких полос позумента, сшитых между собой белыми шерстяными нитками. К краям пришиты тесемки красно-желтой расцветки. В данном случае с помощью позумента имитируется металлическое (золотое) покрытие фигур; возможно, таким образом выделено лицо богини.

Пластина 6. Изготовлена в Тобольске или одном из ремесленных центров на севере Западной Сибири в 1831 г. из луженой меди в технике чеканки (рис. 9). Размеры 23×5,8 см. Бордюр украшен орнаментом в виде зигзага. Нижний край оформлен восемью полукруглыми фестонами с отверстиями в нижней части. Сохранились четыре фигурки рыбок, прикрепленные к четырем фестонам, остальные фигурки утеряны. На лицевой стороне запечатлены персонажи сцены охоты: охотник в шубе с луком в руках, две собаки, летящая птица, а также три дерева, холмы. Под фигурой одной из собак выбита дата изготовления пластины – 1831 г. В торцах пластины просверлены отверстия, в которые продеты красные тесемки.

Пластина 7. Изготовлена в Тобольске или одном из ремесленных центров на севере Западной Сибири в 1831 г. из луженой меди в технике чеканки (рис. 10). Размеры 23×5,8 см. Бордюр украшен орнаментом в виде зигзага. Нижний край оформлен девятью полукруглыми фестонами с отверстиями в нижней части. На лицевой стороне запечатлены участники охоты: охотник в шубе с луком в руках, две собаки, летящая птица, а также три дерева и холмы. Под фигурой одной из собак выбита дата изготовления пластины – 1831 г. В торцах пластины просверлены отверстия, в которые продеты красные шерстяные шнуры.

Пластина 8. Изготовлена в Тобольске в 1770–1780-е гг. из серебра в техниках чеканки, гравировки

(рис. 11). Размеры 28×6,5 см. Бордюр украшен орнаментом в виде зигзага. Нижний край пластины оформлен 14 полукруглыми фестонами. Подвески – три фигурки рыбы и четыре фигурки птиц (остальные подвески утеряны). На лицевой стороне пластины запечатлены персонажи сцены охоты: охотник с луком в руках, собака, олень, а также пять деревьев, кусты и холмы. В правом верхнем углу пластины выбиты герб Сибири (два соболя, стоящих на задних лапах, между ними – две перекрещенные стрелы под короной) и клеймо пробирера в прямоугольной рамке (правая часть сбитая): вверху – цифры 17, внизу – Л•, вторая буква сбитая. Скорее всего, это клеймо пробирера Льва Вла-

сова, работавшего в Тобольске в 1757–1780-х гг. [Постникова-Лосева, Платонова, Ульянова, 1983, с. 253] как минимум до 1784 г. [Гемуев, Бауло, 1999, с. 54]. Третье клеймо *пч* в прямоугольной рамке принадлежит неизвестному мастеру, чьи работы, хранящиеся в ГИМе, относятся к 1773–1776 гг. [Постникова-Лосева, Платонова, Ульянова, 1983, с. 253].

Пластина 9. Изготовлена в Тобольске или одном из ремесленных центров на севере Западной Сибири в начале XIX в. из луженой меди в технике чеканки (рис. 12). Размеры 27×6,8 см. Бордюр украшен орнаментом в виде зигзага. Нижний край оформлен 16 полукруглыми фестонами с отверстиями в нижней части. На лицевой стороне запечатлены две сцены, условно разделенные в центре деревом. В левой части пластины – сцена охоты: одетый в длинную куртку с поясом охотник с луком в руках идет за оленем, перед ним дерево; над фигурами оленя и охотника в виде фестонов изображены установленные сети, к которым подплывает рыба. В середине пластины показана сидящая птица, на нее лает собака. В правой части композиции изображены одетый в длинную куртку с поясом рыбак с удочкой в руках, рыба, попавшаяся на крючок, и еще две плывущие рыбы. Над рыбаком в виде фестонов показаны установленные сети, к которым подплывает рыба. Справа от сцены рыбалки изображено дерево, на ветке – птица.

Следует отметить оригинальность композиции, включающей сцены охотничьего промысла, а также рыбной ловли на удочку и с помощью сетей.

Пластина 10 в виде прямоугольной ленты с длинными суженными концами, в которых пробиты отверстия, через них продета желтая шерстяная нить (рис. 13). Размеры 32,5×2,8 см. В середине длинной оси ленты имеется семь отверстий, к которым прикреплены серебряные полусферы с привесками.

Лента вырезана из тонкого кованого серебряного листа, узор нанесен тиснением по матрице в технике басмы. Создается впечатление, что матрица по длине была такой же, как средняя часть ленты, до суженных концов. Возможно, сначала на ней набили несколько пластин (две?), а потом их разрезали на отдельные изделия – края вырезаны неровно, орнамент как бы выходит за края ленты.

Лента оформлена растительным орнаментом в виде лозы с отходящими от нее листьями и побегами. Лоза образует крупные круглые завитки, в которые вписаны веерообразные листья с розеткой в центре. Между крупными завитками показаны отходящие от основного стебля побеги с небольшим листом. Благодаря этому создается определенный ритм и орнамент выглядит завершенным. Нижний край ленты оформлен “перловым” орнаментом; на верхнем крае декор из двух рядов “перлов”, расположенных в шахматном порядке и заключенных между двумя выпуклыми линиями, косо срезан.

Рифленные, вытисненные по матрице полусферы и цепочки такие же, как на пластине 5. Они закреплены на ленте так же, как и на других пластинах. Двухзвенные цепочки сохранились у всех полусфер, привески только у двух.

Привески вырезаны из фрагментов такой же орнаментированной ленты (возможно, из фрагментов пластины 5). Одна из них сделана в виде летящей птицы, другая – рыбы, подвешенной за голову. На обеих сохранился орнамент в виде крупной розетки, а у рыбки на месте хвоста – ряд “перлов”. Привески были сделаны, видимо, позже, чем пластина, когда она уже нуждалась в ремонте.

Пластина 11 в виде ленты, слегка расширенной в средней части и суженной к торцам (рис. 14). Размеры 34×3,2 см. Посередине длинной оси ленты пробито семь отверстий, к которым прикреплены мелкие серебряные полусферы, к ним в верхней части за петлю подвешены цепочки с привесками. В торцах ленты имеются отверстия, в которые продета желтая шерстяная нить.

Рис. 9. Пластина 6.

Рис. 10. Пластина 7.

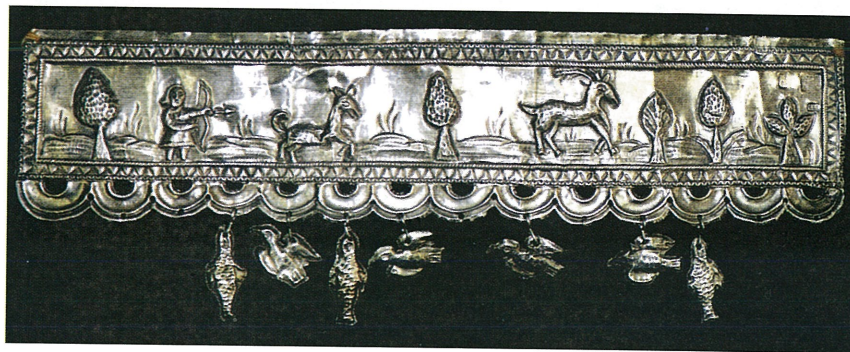

Рис. 11. Пластина 8.

Лента вырезана из тонкого серебряного кованого листа; орнамент нанесен тиснением по матрице в технике басмы. Матрица была, вероятно, прямоугольной формы. Тисненный орнамент выходит за края пластины. Цепочки с привесками сохранились только у пяти полусфер.

Лента оформлена растительным орнаментом, состоящим из двух компартиментов: розетка ромбической формы и сложный четырехлепестковый цветок.

Все привески вырезаны из части пластины, на которой изображена розетка; они отдаленно напоминают рыб. Цепочки в виде восьмерки с перекрученной средней частью.

Атрибуция пластин

Серебряные ленты-очелья появились в Западной Сибири не ранее XII–XIV вв. [Зыков и др., 1994, с. 113,

Рис. 12. Пластина 9.

Рис. 13. Пластина 10.

Рис. 14. Пластина 11.

кат. № 271; Сокровища Приобья, 2003, с. 69, кат. № 32]. Первые изделия этого типа – очелья в виде узкой серебряной ленты, декорированные позолотой и чернью, тонким точечным чеканом. Они были изготовлены в городских центрах Волжской Болгарии между XII и XIV вв. Подобных пластин, несмотря на их явную парадность, а возможно, и сакральность, известно много (с археологической точки зрения). Это три целых очелья: с Иртыша – с изображением лодок с людьми в центральной части, хранится в Эрмитаже [Смирнов, 1909, табл. 38]; из погр. 31 Сайгатинского III могильника – украшенное плетенкой и волотообразными узорами [Зыков и др., 1994, с. 113]; из неизвестного комплекса – орнаментированное, как и все остальные, плетенкой, но с изображением рыб в центральной части, недавно передано в фонды Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского. Кроме того, в различных памятниках было обнаружено несколько фрагментов подобных очелья: один фрагмент относится к комплексу с городища Перегребное-1 [Морозов, Пархимович, 1985, с. 93], два фрагмента, возможно, одного очелья, из погр. 130 могильника

Усть-Балык использовались как перстни [Семенова, 2001, с. 88], еще два обнаружены в погр. 24 Киняминского II могильника [Там же, с. 99], один фрагмент очелья был найден в комплексе погр. 56 Сайгатинского III могильника (раскопки Л.М. Тереховой). Все эти вещи типичны для продукции волжско-болгарского художественного центра, имеют много аналогов среди других изделий, в т.ч. серебряной посуды, предметов парадного вооружения и украшений [Федорова, 2003, с. 144].

К XIV–XV вв. относятся серебряные очелья нового типа – в виде более широкой, но тонкой ленты, вырезанной из прокованного серебряного листа и декорированной гравировкой или чеканкой, иногда с добавлением черни. Главным украшением очелья этого типа являются закрепленные на ленте половинки серебряных бусин с зернью и сканью, к которым на цепочках подвешивались привески в виде тисненых из серебряной фольги фигурок водоплавающих птиц и рыб. Известны очелья этого типа: из сборов на Эсском могильнике [Югорск..., 1997, с. 52] и в Шурышкар-

ском р-не Ямало-Ненецкой АО в коллекции И.Л. Истомина [Сокровища Приобья, 2003, с. 73], из погр. 195 могильника Усть-Балык [Семенова, 2001, с. 80]. Определение места изготовления очелья второго типа вызывает некоторые трудности. Вполне вероятно, что украшенные зернью и сканью серебряные бусины, иногда довольно сложных форм [Югорск..., 1997, с. 52], и ленты с не очень качественной гравировкой, чернью, положенной без предварительной подготовки фона [Там же], или просто с отпечатками круглого пунсона [Сокровища Приобья, 2003, с. 73] были сделаны в разных центрах. Бусины изготовлены в традициях, характерных для волжско-болгарских мастерских, но вовсе не обязательно, что эти мастерские локализовались на территории бывшей Волжской Болгарии. По декору ленты имеют аналоги в круге металлических изделий из Верхнего Прикамья (см., напр.: [Шутова, 1992, с. 220, рис. 37, 9, 10]). Соединение элементов двух различных традиций на одной вещи может свидетельствовать либо о переселении болгарских мастеров в городские центры Верхнего Прикамья, либо о массовом производстве своего рода полуфабрикатов, которые покупали прикамские или иные

мастера и использовали для украшения своих изделий. Очелья этого типа бытовали, по-видимому, до XVI, а может быть, до XVII в. Во всяком случае браслеты с декором, примерно таким же, как на лентах, Н.И. Шутова датирует XVI–XVII вв. [Там же, с. 31]. Вероятнее всего, эти очелья завозили из Верхнего Прикамья.

Очелья с тисненым по матрице узором на ленте представляют хронологически наиболее поздний (третий) тип подобных изделий. К нему относятся пластины-очелья Казымской бабы, очелье из пос. Ямгорт (р. Сыня) [Бауло, 2004, с. 137, фото 21] и очелье, хранящееся в частной коллекции в Шурышкарском р-не Ямало-Ненецкого АО. Характерной чертой этого типа является тисненый растительный орнамент, который покрывает всю ленту. Причем тиснение производилось, возможно, не на ленте, а на листе, который разрезался на отдельные очелья, что свидетельствует о массовом производстве таких украшений. На лентах данного типа, как и на более ранних очельях, закреплены половинки ажурных и сканых бусин, иногда рифленых полусфер, тисненых из серебра, к которым на цепочках подвешивались привески в виде птиц или рыб. Определить место и точную дату изготовления этих изделий в настоящее время трудно, т.к. их аналогии в датированных комплексах не выявлены. Можно высказать лишь предположения. Растительный орнамент на пластинах очелья напоминает орнаменты на окладах икон и русских изразцах XVI–XVII вв. Металлические полые пуговицы, тисненные из серебра и бронзы, появляются, в частности, в западно-сибирских комплексах в золотоордынское время. Распространение пуговиц в форме шишки А.П. Зыков относит к концу XVI – началу XVII в. [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 177]. Рифленые полусферы, украшающие ленты очелья, относятся, вероятно, к этому же времени. Если это предположение верно, и очелья на тисненых растительным узором лентах действительно могут датироваться XVI–XVII вв., тогда выстраивается непрерывная типологическая линия – от классических волжско-болгарских лент-очелья XII–XIV вв. до русских пластин второй половины XVIII в. Интересно, что и на самых поздних пластинах привески также были в форме фигурок птиц или рыб. Возможно, с очелья с тисненым по матрице узором на ленте начиналось становление русского ремесленного серебрения в Западной Сибири. Примерно в середине XVIII в. в Тобольске организуется несколько мастерских по выпуску серебряных и медных изделий, которые через рынки Березова и Обдорска попадают в домашние и на поселковые святилища остяков и вогулов. Пластины декорируются с учетом северных реалий: они украшены прочеканенным изображением охотничьей сцены.

В XVIII–XIX вв. во всех городах России накладываемые пробирерами клейма состояли из клейма с гербом города или региона в щитках различной формы;

клейма с начальными буквами имени и фамилии пробирного мастера (“именник”) с указанием года или без него в прямоугольном щитке; клейма с двумя цифрами, обозначающими пробу серебра. Мастера, мастерские и фабрики были обязаны ставить свои клейма – “именники” до предъявления изделий государственному пробиреру. Клейма с двумя или тремя разного начертания начальными буквами имени и фамилии мастера (“именник”) помещались в щитках разнообразной формы [Постникова-Лосева, Платонова, Ульянова, 1983, с. 128].

Сибирские металлические пластины можно разделить на три группы: в первую включены официально выпущенные изделия, имеющие весь набор клейм, во вторую – изделия лишь с клеймом мастера (т.е. не прошедшие утверждения пробирером), в третью – пластины с проставленной датой производства или без нее, а также без указания места производства.

Первая группа состоит из самых ранних из известных сегодня русских пластин, относящихся ко второй половине XVIII в. Все серебряные пластины сделаны в Тобольске.

Одна из них – серебряная пластина из пос. Ломбож (размеры 24,5×5 см) [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 91, рис. 83, 3]. На ней имеется клеймо с изображением герба Сибири. Подобные клейма встречаются на изделиях 1765–1780 гг. [Постникова-Лосева, Платонова, Ульянова, 1983, с. 253]. Кроме того, на пластине выбито клеймо Л•В, принадлежавшее пробирному мастеру Л. Власову, который работал в Тобольске в 1757–1784 гг. Клеймо ПШ, выполненное в рамке в виде сердца, принадлежало неизвестному мастеру; поднос, чайник и чайница его работы хранятся в ряде музеев России [Там же]. Таким образом, изготовление пластины можно отнести к 1765–1784 гг.

Пластина 8 на фигуре Вут ими была изготовлена в Тобольске в 1770–1780-х гг. Пластина из пос. Ванзеват (р. Обь) (размеры 23,5×5,5 см) изготовлена в 1796 г. [Бауло, 2004, с. 60]. Сохранились все десять подвесок – пять уток и пять рыбок. Выбиты два клейма: щиток с гербом Тобольска (пирамида на пьедестале, воинская арматура, знамена, барабан и алебарды); 1796 / М•Б – пробирера М. Богданова [Постникова-Лосева, Платонова, Ульянова, 1983, с. 253].

Вторая группа серебряных изделий включает пластины, не имеющие пробы, с клеймом П•Б в прямоугольной рамке неизвестного мастера. Известны четыре серебряных блюда этого автора, датируемые 1797, 1820 (2 экз.) и 1822 гг., с клеймами тобольских пробиреров [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 159, рис. 106, 1; Бауло, 2004, с. 67], которые позволяют говорить о том, что мастер с инициалами П•Б работал в Тобольске в конце XVIII – первой четверти XIX в. В составе домашних святилищ обских угров встречено несколько изделий его мастерской, выпущенных без клейма пробирера: блюд-

ца [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 159; Гемуев, 1990, с. 76, 120; Гемуев, Бауло, 1999, с. 88], две статуэтки [Бауло, 2004, фото 41]. Шесть клейм П•Б имеется на прямоугольной пластине из дома П.Е. Шешкина в пос. Ломбовож [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 91, рис. 83, 1]. К этой группе относится и пластина 2, украшающая Вут ими.

Интересно, что металл, из которого выполнены изделия с клеймом П•Б, но без клейма пробирера, более высокой пробы, чем была официальная в этот период (84-я). В коллекции № 5708 МАЭ РАН, составленной из материалов Нижнеобской экспедиции ИЭ АН 1936 г. под руководством В.С. Андрианова, находится серебряное блюдо № 5708-1, на нем указана 916-я проба (инспекция пробирного надзора, 21.05.1953, Ф. Лямина). Блюдо № 5708-2 из этой коллекции с клеймом мастера в прямоугольной рамке П•Б (причем буквы “П” на обоих блюдах совпадают) также 916-й пробы, что указывает на принадлежность клейм П•Б и П•Б, скорее всего, к одной мастерской. Изображения на этих блюдах уникальны – они выполнены по рисункам, заимствованным из труда И.Г. Георги [Прыткова, 1949, с. 44]. Необычность сюжетов и высокая проба позволяют предположить, что изделия были заказаны мастеру П•Б состоятельными “инородцами” и изготовлены из полученного от них сырья.

Третья группа объединяет медные и жестяные пластины, не имеющие клейм [Гемуев, Сагалаев, 1986; Гемуев, 1990; Гемуев, Бауло, 1999; Бауло, 2004]. По стилистике изображений и сюжетам их большая часть похожа на тобольские изделия. На ряде пластин выбиты даты: 1830–1834 гг.

Таким образом, все известные в настоящее время серебряные пластины из Западной Сибири были изготовлены в Тобольске во второй половине XVIII в. Место производства их медных и жестяных аналогов, датируемых первой третью XIX в., определить сложно: это могут быть мастерские Тобольска или небольших северных городков – Обдорска, Березова и др. Отсюда пластины развозили для продажи по городам и ярмаркам севера Западной Сибири. В документах Обдорской ярмарки за 1824 г. сообщается, что русскими купцами были привезены на продажу серебряные налбоники: “сии вещи наиболее употребляются для украшения кумиров” [Прыткова, 1949, с. 42–43]. По сообщению Ю.И. Кушелевского, русские промышленники заказывали для идолов даже серебряные короны, вроде епископских митр, и тайно продавали их в Обдорске крещеным “инородцам” [1868, с. 113].

Использование серебряных очелий и пластин на севере Западной Сибири

Серебряные очелья несомненно являлись частью какого-то парадного убора. Известно, что в конце XVI в.

среди украшений Кондинского князя Агая имелись два серебряных венчика [Бахрушин, 1935, с. 28]. К сожалению, у нас мало данных, позволяющих говорить о том, кто и по какому случаю носил эти уборы. Отметим, что подобные украшения найдены только в Приобье. Различные металлические (бронзовые) наборные оголовья, являвшиеся одним из распространенных женских головных уборов, в позднесредневековых комплексах Приуралья и Поволжья встречаются достаточно часто, но очелья, состоящие из серебряной ленты, – редко. В Сайгатинском III могильнике очелье выявлено в погребении 12-летнего подростка, вероятно, девочки. В погребении могильника Усть-Балык, в котором обнаружено целое очелье, также находился костяк подростка. Эсское очелье обнаружено на месте разрушенного могильника. Очелья, хранящиеся в фондах Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского, были найдены на берегу оз. Шурышкарский Сор, где, вероятно, находилось святилище.

Более полная информация имеется по очелью из пос. Ямгорт. Его надевал на голову во время медвежьего праздника мужчина, исполнявший роль богатыря-предка. Пластина была прикреплена с помощью кожаного шнура к выгнутой тонкой и узкой деревянной дощечке, а вся конструкция – дополнительно обмотана красным шерстяным шнуром, концы которого завязывались на затылке [Бауло, 2004, с. 48].

Есть и другая информация об использовании очелий в культовой практике обских угров. В XVII в. русский священник был уличен в краже с “родового мольбища при кедровом дереве” на р. Ляпин “серебряного очелника, шириной в два пальца и длиной в поларшина” [Огрызко, 1941, с. 118–119].

Наиболее ранние сведения об использовании серебряных пластин, которые хронологически могут быть отнесены к изделиям русских мастеров, принадлежат В.Ф. Зуеву (материалы 1771–1772 гг.). “Почитаемый во всем роде остячком бог и славной изо всех идол, – отмечал он, – установлен в Воксарковых юртах, около семидесяти верст ниже Обдорска... Имеются два болвана в образ человека, один мушина, другой женщина, сколько возможно, по остяцкому обыкновению, великолепно убраны со всем остяцким одеянием... а на голове венцы серебряные...” [1947, с. 41–42].

Приведем данные об использовавшихся в обрядах обских угров металлических пластинах, объединив их в группы по функциональному признаку.

Первая группа состоит из пластин, являвшихся элементами, на основе которых формировались или украшались фигуры божеств и духов-покровителей. К ним относится прежде всего фигура Вут ими. Жестяная посеребренная пластина с изображениями охотника и оленя, закрепленная на голове большой фигуры мансийского духа-покровителя, была обнаружена в одном из домов пос. Верхне-Нильдино (р. Сев. Сосьва).

На святилище хантов, проживающих в бассейне р. Полуй, в священной нарте хранится фигура духа-покровителя, выполненная из нескольких рубах и халатов. Фигура “опоясана” (обогнута) медной пластиной (размеры 23,5×5,5 см) начала XIX в. Нижний край оформлен девятью фестонами, к ним с помощью кожаных ремешков привязано семь медных цепочек с плоскими железными пуговицами на концах [Бауло, 2004, с. 59]. В описании состоявшегося в 1913 г. праздника в Руссуйских юртах (р. Сев. Сосьва) говорится, что “шею медведицы” (медвежья шкура, уложенная в священной позе) украшала металлическая пластина с изображениями птицы, пушных зверьков и охотника с луком. К нижнему краю пластины было подвешено несколько металлических рыбок [Новицкий, 1925, с. 18]. Обломок серебряной пластины (сохранилась левая часть изделия с фигурой охотника) начала XIX в., обернутый в сложенный несколько раз платок с бахромой и бубенчиками, являлся сердцевинной фигуры семейного духа-покровителя манси Пуксиковых в пос. Хулимсунт [Гемуев, Бауло, 1999, с. 89].

Вторая группа – пластины, относящиеся к приношениям, которые оставляли божеству с просьбой об удачном охотничьем промысле (сцена охоты была запечатлена на пластине). В середине XX в. в священном амбарчике ханта Д. Дунаева в пос. Локтокурт хранилась пластина (размеры 24,8×6,3 см) с изображением сцены охоты на оленя. Она являлась приношением идолу [Гревенс, 1960, с. 433]. В культовом амбарчике манси Куриковых в пос. Яны-пауль был обнаружен фрагмент серебряной пластины (размеры 4×8 см). На его лицевой стороне изображены холмы, два дерева и цветы. В нижней части сохранилось три полукруглых фестона с отверстиями для подвесок [Гемуев, Бауло, 1999, с. 34]. Серебряная пластина (размеры 23,5×5,5 см), изготовленная в Тобольске в 1796 г., находилась в святом сундуке хантов Туевых (пос. Ванзеват, р. Обь). Медная пластина (размеры 21,4×5,4 см), датируемая первой третью XIX в., хранилась в святом сундуке в пос. Оволынгорт (р. Сыня). Жестяная прямоугольная пластина начала XIX в. (размеры 22×5,5 см) входила в состав семейной культовой атрибутики хантов, проживавших на р. Полуй. Фрагмент медной пластины с охотничьей сценой был обнаружен в культовом амбарчике на святилище сынских хантов у пос. Нимвожгорт [Бауло, 2004, с. 60].

Третья группа пластин относится к элементам головного украшения мужчин, участвовавших в драматических сценках медвежьего праздника и плясках богатырей-предков. В Ломбовоже среди культовой атрибутики, принадлежавшей ляпинским князям Шешкиным, хранилось пять пластин, выполненных из серебра, посеребренной латуни и жести [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 90–91]. Две пластины благодаря отверстиям в краях были пришиты к суконным лентам-наголов-

никам. По сообщению В.Н. Чернецова, в Ломбовоже регулярно проводились праздники с военными плясками [1947, с. 177]. Мужчины, изображавшие пришедших на праздник мифических богатырей-предков, брали в руки мечи, надевали шелковые халаты, а на головы – суконные ленты с пришитыми пластинами. Надев наголовник с металлической пластиной, человек “перевоплощался” в божество [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 90–91, 148]. Еще один “налобник” в виде тонкой медной пластины хранился в святом сундуке на чердаке одного из домов в пос. Верхне-Нильдино. В торцах пластины имелись отверстия, сквозь них был продернут тонкий шпагат, с помощью которого пластина привязывалась к голове [Гемуев, 1990, с. 117]. Жестяная посеребренная пластина со сценой охоты (размеры 24×4 см) обнаружена в святом сундуке в культовом амбарчике в пос. Ханты-Мужи (р. Мал. Обь). Через отверстия в торцах изделия была продернута суконная лента, позволявшая прикрепить пластину на голове мужчины, который во время танцев на медвежьем празднике изображал богатыря-предка. На полке другого амбарчика в этом же поселке хранилась медная пластина (размеры 24×6,6 см) на суконной основе [Бауло, 2004, с. 61]. Посеребренная чеканная пластина с изображением сцены охоты находилась на головном уборе в погребении остячкой девочки, раскопанном в 1909 г. Д. Яновичем на могильнике Халас-Пугор (Нижнее Приобье) [Мурашко, Кренке, 2001, с. 85, 103].

Таким образом, к XVIII–XX вв. относятся серебряные, медные и жестяные пластины, использовавшиеся в ритуальной практике обских угров; только за последние 100 лет составлено более 30 их достоверных описаний.

Заключение

Фигура казымского духа-покровителя украшена пятью серебряными пластинами XV–XVII вв. и шестью русскими пластинами, изготовленными в Тобольске или ремесленных центрах на севере Западной Сибири в конце XVIII – первой трети XIX в. Не вызывает сомнения, что серебряные пластины 2 и 8 были сделаны в тобольских мастерских.

Очевидно, что фигура духа-покровителя формировалась в течение продолжительного времени. Вероятно, изначально ее украшением служили пластины XV–XVII вв., а в конце XVIII – начале XIX в. они были дополнены похожими изделиями – русскими пластинами. Платки со временем заменялись новыми, возможно, был обновлен и каркас из прутьев. Скорее всего, дошедшая до наших дней фигура почиталась в данном оформлении с начала XIX в. до 1960-х гг.

К редким особенностям фигуры Вут ими можно отнести сложносоставной каркас из пластин и прутьев:

аналоги подобной конструкции в культовой атрибутике XIX–XX вв. у северных хантов и манси не известны. Уникальным является и столь большой набор пластин для оформления фигуры божества. По мнению С.В. Иванова, наличие у деревянных фигур металлических накладок на лице или обозначение лиц духов серебряными блюдцами объясняется желанием народов севера Сибири сделать деревянные изображения похожими на металлические [1970, с. 62]. Представляется, что этим же можно объяснить оформление изображения Вут ими.

Касаясь вопроса об использовании лент-очелий на севере Западной Сибири, отметим, что очелья, положенные в погребения, были частью убора человека, имевшего высокий сакральный статус. Но большая часть пластин служила для украшений персонажей местного пантеона или изображавших их людей во время религиозных обрядов.

Благодарность

Авторы выражают глубокую признательность директору Государственного музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) Л.В. Степановой и зав. отделом этнографии музея Л.С. Андриенко за возможность подробно ознакомиться с уникальным экспонатом.

Список литературы

- Бауло А.В.** Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – 160 с.
- Бахрушин С.В.** Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. – Л.: Ин-т народов Севера, 1935. – 92 с.
- Гемуев И.Н.** Мирозрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 240 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.
- Гревенс Н.Н.** Культовые предметы хантов // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – Л., 1960. – Вып. 4. – С. 427–438.
- Зуев В.Ф.** Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 17–84. – (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 5).
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер. – Екатеринбург: Волот, 2001. – 320 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Иванов С.В.** Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Карачаров К.Г.** Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 26–52.
- Кушелевский Ю.И.** Северный полюс и земля Ямал. – СПб.: [Тип. МВД], 1868. – 156 с.
- Мифологическое время:** Альбом-каталог. – Ханты-Мансийск: Эпифания, 2003. – 216 с.
- Морозов В.М., Пархимович С.Г.** Городище Перегребное-1 (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н.э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1985. – С. 88–99.
- Мурашко О.А., Кренке Н.А.** Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. По археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ. – М.: Наука, 2001. – 155 с.
- Новицкий В.** К культу медведя у вогулов р. Сосьвы // Наш край. – 1925. – № 7 (11). – С. 16–20.
- Огрызко И.И.** Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та, 1941. – 147 с.
- Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянов Б.Л.** Золотое и серебряное дело XV–XX вв. – М.: Искусство, 1983. – 375 с.
- Прыткова Н.Ф.** Металлическая культовая посуда у угров // СМАЭ. – 1949. – Т. 10. – С. 39–46.
- Семенова В.И.** Средневековые могильники юганского искусства Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 295 с.
- Смирнов Я.И.** Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: [Имп. археол. комиссия], 1909. – 18 с.; 300 табл.
- Соколова З.П.** Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. – 1971. – Т. 27. – С. 211–238.
- Сокровища Приобья:** Западная Сибирь на торговых путях средневековья: Каталог выставки. – Салехард; СПб.: [Б.и.], 2003. – 96 с.
- Федорова Н.В.** Торевтика Волжской Булгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Тр. Камской археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 138–153.
- Чернецов В.Н.** К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113–134.
- Шутова Н.И.** Удмурты XVI – первой половины XIX в. – Ижевск: Изд-во Удм. ин-та истории, языка, литературы, 1992. – 262 с.
- Югорск.** От легенды до точки на карте. – Екатеринбург: НПМП “Волот”, 1997. – 167 с.

Материал поступил в редколлегия 28.01.05 г.